

ТИТУЛАТУРА МОНАРХА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ  
В «МЕТРИКЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО»

Титулатура монарха является неотъемлемой частью дипломатических текстов XV – XVII веков. Наряду с функцией официального именованя правителя в рамках формирующегося в эпоху Средневековья дипломатического этикета титулатура выполняла роль политической самопрезентации монарха, эксплицируя его претензии на определенный внешнеполитический статус, далеко не всегда поддерживаемые другими государствами. Именно поэтому употреблению титулатуры монарха в средневековых дипломатических текстах придавалось значение порой большее, чем содержанию документа, о чем свидетельствует анализ дипломатической переписки между Московским государством и Речью Посполитой, представленной в составе «Метрики Великого Княжества Литовского» 1585 – 1600 гг.

В текстах «Метрики» титулатура государя в форме родительного принадлежности являлась обязательным элементом именованя лиц, принадлежащих к политической элите государства – московских бояр и Панов Рад: *Наяснейшого и великого г(о)с(по)д(а)ря Стефана, Божю м(и)л(о)стю короля полского, великого кн(я)зя литовского, руского, пруского, жомойтского, мазовецкого, ифлянтского, седмиградского и иных, мы, Рады Коруны Полское и Великого Князства Литовского, Албрихть Барановский, бискупь премыский, <...>, Остафеи Воловецкы, кань виленский, <...>, а Левъ Иванович Сапега, подканцлерий Великого Князства Литовского, <...>*. Эта часть именованя Панов Рад опускалась в дипломатических документах ВКЛ после смерти Стефана Батория до изораня нового короля.

Смерть Стефана Батория стала ключевым моментом в отношениях Речи Посполитой и Московского государства: после того как к декабрю 1587 года стало очевидно, что русский царь Федор Иванович не будет новым правителем ВКЛ и Польского королевства, дипломатические отношения между государствами прервались почти на 2 года.

Официальная дипломатическая переписка возобновилась в ноябре 1589 г. переданным через гонца посланием от думных бояр Панам Радам. Несмотря на то, что коронация нового правителя Речи Посполитой состоялась в конце 1587 г., в упомянутом послании титулатура правителя в именовании адресата – Панов Рад – опущена, более того, в нем отсутствует какое-либо упоминание имени нового короля Сигизмунда III: *Братьи нашии, Паном Радам Великого Князства Литовского, Юрю Радивилу, кардыналу костела Рымского, <...>, Крыштопу Радивилу, кн(я)жати на Биржах и Дубинках, <...>, Яну Яновичу Глебовичу на Дубровне, воеводе троцкому, державцы упитьскому.*

Это обстоятельство не было оставлено без внимания польской стороной: в ответной «Отправе того гонца московского от ихъ м(и)л(о)сти Пановъ Рад з Вильна», датированной февралем 1590 г., титулатура московского царя опущена уже в именовании думных бояр; в то же время в именовании Панов Рад

исчерпывающе представлены титулы нового короля польского и великого князя литовского Сигизмунда III, недвусмысленно акцентирующие происхождение и политические перспективы монарха: *От наяснейшого и великого г(о)с(по)д(а)ра Жыкгимонта Третего, Божею м(и)л(о)стю короля польского, великого кн(я)зя литовского, руского, пруского, жомоитского, мазовецкого, подолского, волынского, лифлянтского и иных, того ж Бога милостью дедича властного Королевства Шведского, Кгодского, Вандалского и короля пришлого и великого кн(я)зя финлянтского и иныхъ, Пановъ Рад его королевское м(и)л(о)сти Великого Кн(я)зства Литовьского, от князя Юрия Миколаевича Радивиля, ..., от Яна Яновича Глебовича на Дубровне, <...>. (Ср. именование московских бояр в позиции адресата: *Брати нашои, бояром ближнее Думы великого г(о)с(по)д(а)рства и Великого Кн(я)зства Московского, боярину <...> Федору Ивановичу Мстиславскому, боярину <...> Борису Федоровичу Годунову, боярину <...> Федору Микитичу Романову).**

Очевидно, что в правящих кругах Польши и ВКЛ в неупоминании титула нового короля в письме московских бояр увидели политический подтекст, своеобразную месть за отказ в подчинении московскому царю: об этом прямо говорится в письме Панов Рад, отправленном к боярам с гонцом Яном Девялтовским в апреле 1590 г.: *<...> г(о)с(по)д(а)рь ваш, яко того ведомость маем, писати мел в листе своем <...>, якобы братья наши, народ Великого Кн(я)зства Литовского, хотели быть под рукою г(о)с(по)д(а)ра вашего, чого великому г(о)с(по)д(а)ру вашему чынит не годило ся, кгда ж то и в помышленью при панованью г(о)с(по)д(а)ра нашего у обыватели Великого Кн(я)зства Литовског(о) не было. А к тому же сами пишучы тепер до Панов Рад, братьи наше, тытулу г(о)с(по)д(а)ра нашего(о) теперешнего, короля его м(и)л(о)сти и великого кн(я)зя Жыкгимонта Третего, вспоменути не хотели, якобы есмо и до сего часу безг(о)с(по)д(а)рны быти мели.*

Ситуация грозила перерасти в международный скандал: неупоминание царского титула было расценено Федором Ивановичем как оскорбление, что могло привести к полному разрыву международных отношений с Речью Посполитой (*... и г(о)с(по)д(а)рь н(а)шь, великии г(о)с(по)д(а)рь царь и великии княз, за то со г(о)с(по)д(а)ромъ вашим, з Жыкгимонтомъ королем, и съсылати ся был не хотель*). Однако после «челобитья» подданных русский царь все же изменил решение *«для своег(о) милосердого обычая и для покою во хрестиянстве»*.

Таким образом, употребление титулатуры монарха в дипломатической переписке Московского государства и Речи Посполитой 1585 – 1600 гг. выходит за рамки сугубо этикетной функции: любое отклонение от устоявшегося дипломатического протокола имплицитно несет политический подтекст, задающий вектор межгосударственных отношений и определяющий внешнеполитическую риторику средневековой дипломатии.